

DOI 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-28-43

УДК 94(47).05

Андрей Владимирович Головнёв

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

Петровская Россия: северное измерение*

АННОТАЦИЯ. Принято считать, что Петр I отвернулся от старорусских традиций в пользу европейских новшеств. На самом деле он вернулся к ним, отказавшись от ордынско-московской «сухопутности» и возродив старую балто-понтийскую магистраль в обновленном имперском облике. Главным двигателем этого возвращения и возрождения стало морское дело. В предисловии к «Морскому уставу» Петр излагает мотивы и обстоятельства, побудившие его к освоению кораблевождения и кораблестроительства, к превращению России в морскую державу. С начала своего царствования Петр, подобно варяжским князьям, развернул свою геополитику между Балтийским и Черным морями, восстановив на карте России ось/путь из варяг в греки. Будто возвращаясь к истокам, Петр строил «империю флота» с ключевыми портами на севере и на юге, только на этот раз место Ладоги занял Петербург, а Киева — Воронеж. Выбор Севера в геополитике Петра был предопределен реалиями морского дела. Исход схватки за имперское могущество предreshался не под Полтавой, а на Неве и на Балтике. В очередной раз Север сыграл решающую роль в «народостроительстве» России, чему в значительной мере способствовали Северная война и северная столица. Главным трофеем Северной войны стал имперский статус, переместившийся из Стокгольма в Петербург.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Петр I, Россия, Север, Санкт-Петербург, северность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Головнёв А. В. Петровская Россия: северное измерение. *Кунсткамера*. 2022. 1(15): 28–43. doi 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-28-43

* Исследование выполнено за счет гранта РФФ № 22-18-00283 «Северность России и этнокультурный потенциал Арктики» (рук. А. В. Головнёв), <https://rscf.ru/project/22-18-00283/>.

Andrei Golovnev

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

The Petrine Russia: Northern Dimension

ABSTRACT. It is generally accepted that Peter I turned away from old Russian traditions in favor of European innovations. In fact, he returned to them, turning away from the Horde-Moscow “terrestriality” and reviving the old Baltic-Pontic mainstream in a renewed imperial guise. The main engine of this return and revival was the maritime business. In the preface to the Naval Charter, Peter sets out the motives and circumstances that prompted him to master navigation and shipbuilding, to turn Russia into a maritime power. From the beginning of his reign, Peter, like the Varangian princes, deployed his geopolitics between the Baltic and Black Seas, restoring the axis/path from the Varangians to the Greeks on the map of Russia. As if returning to the origins, Peter was building an “empire of the fleet” with key ports in the north and south, only this time the place of Ladoga was taken by Petersburg, and Kyiv by Voronezh. The choice of the North in Peter’s geopolitics was predefined by the realities of maritime affairs. The outcome of the battle for imperial power was predetermined not at Poltava, but on the Neva and in the Baltic. Once again, the North played a decisive role in the “nation-building” of Russia, which was greatly facilitated by the Northern War and the northern capital. The main trophy of the Northern War was the imperial status, which moved from Stockholm to St. Petersburg.

KEY WORDS: Peter I, Russia, North, Saint Petersburg, northernness

FOR CITATION: Golovnev A. The Petrine Russia: Northern Dimension. *Kunstkamera*. 2022. 1(15): 28–43. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-28-43

Седьмого (18) мая 1703 г. в устье Невы случилось малозначительное, на первый взгляд, событие: бомбардир-капитан Петр Михайлов (царь Петр) и поручик Александр Меншиков на нескольких лодках взяли на абордаж два шведских судна — десятипушечный бот «Гедан» и восьмипушечную шняву «Астрильд». Короткая рукопашная схватка получила неожиданно высокую оценку как «небываемая виктория». По этому поводу была отчеканена медаль с надписью «Небываемое бывает» и победители пожаловали себя орденами Андрея Первозванного. Что же столь важное случилось майским утром за несколько дней до основания Санкт-Петербурга?

Принято считать, что Петр I в своих реформах отвернулся от старорусских традиций в пользу европейских новшеств. На самом деле он отказался от ордынско-московской традиции и вернулся к древнерусским корням, возродив ось/путь из варяг в греки и идею междуморья в обновленном имперском измерении. А «небываемая виктория» в устье Невы в мае 1703 г. стала первым морским сражением России с варяжских времен.

Петровские преобразования напоминают шквал событий, в котором сложно разглядеть внутренние связи по формуле «мотив — решение — действие». Цель статьи состоит в соотнесении (априори ошутимом, но сюжетно не прочерченном) трех ключевых для Петра и Петровской России мотивов/явлений: моря, севера и империи. Каждому из них посвящено немало исследований (из недавних, см., например: Кутищев 2006; Анисимов 2017; Durev, Dimitrov 2021), однако их мотивационно-деятельностная конфигурация если и рассматривалась, то в потоке иных сюжетов и не под углом зрения северности России (см.: Головнёв 2004; 2008).

ОТКРОВЕНИЯ ИЗ «МОРСКОГО УСТАВА»

Детство Петра было вполне сухопутным, и ничто, казалось, не предвещало его увлечения морским делом. Напротив, он чурался всего, что напоминало водную стихию, и его сдвиг от водобоязни к обожанию моря сродни чуду. Ю. Н. Беспятых ярче других описал это превращение: «Петр с пяти (иногда указывается: с трех) и до 14 лет смертельно боялся даже маленького ручейка, не смея перейти через него; боялся проезжать мимо водоемов, если дверцы кареты не были плотно закрыты; не мог ни видеть воды, ни слышать ее шума и уж подавно никогда не купался... Если Петр в детстве и отрочестве испытывал непреодолимый страх перед водой, то происшедшая психологическая метаморфоза поразительна. Ибо на протяжении всей последующей жизни мореплавание — самое любимое его занятие, а мужество и бесстрашие на воде поистине легендарны... Без памяти влюбленный в море, он жаждал иметь собственное. Вот главнейшая причина Азовских походов, Северной войны, возникновения Петербурга. Всепоглощающая страсть царя определила будущность России» (Беспятых 1992: 13–14).

Откуда у московского царевича взялась тяга к морским просторам, причем такая же сильная, как неприязнь к кремлевским хорам? Сам царь в написанном им (при помощи Феофана Прокоповича) предисловии к «Морскому уставу» назвал свое увлечение морским делом «странным и дивным» (Книга Устав морской 1720: 6). Петру было 16 лет (в 1688 г.), когда в амбаре села Измайлова он нашел старый английский бот: «В некоторое время случилось его величеству быть в Измайлове на льняном дворе, и гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда его Никиты Ивановича Романова, увидеть между оными судно некое иностранное, и не стерпела любопытная природа миновать оное без испытания, тотчас спросил Франца Тимермана [который тогда при его величестве для учения геометрии и фортификации жил], что то за судно? Он сказал, что то бот английский. Спросил паки государь: “Где его употребляют?” Сказал Франц, что употребляется при кораблях, для езды и возки. Еще спросил его величество, какое преимущество имеет пред нашими судами, понеже видел его образом и крепостью лучше наших. Франц ответил, что оное ходит на парусах, не только что по ветру, но и против ветру. Которое слово в великое его привело удивление, и якобы неимоверно понудило возжелать экспериенции дела того» (Книга Устав морской 1720: 7).

Более всего Петра поразила способность бота идти под парусом против ветра. Превращение хода под парусом в имперскую стратегию — нечто несоразмерное и чудаковатое, но в этом весь Петр с его тягой к «небываемому». Весь Петр и в том, что чудо в его репертуаре вполне рукотворно, в диапазоне от малого до великого, от починки бота до имевшего грандиозные последствия увлечения морем. Петр велел сыскать для починки бота мастеров-корабелов, а заодно проникся давней затеей своего отца, царя Алексея Михайловича, построить флот на Волге и Каспийском море для охраны торговых судов. В 1667 г. «вывезен был из Голландии капитан Давыд Бутлер, с компанией мастеров и матросов». Построенный голландцами в Дединове корабль «Орел» в числе других судов был в 1668 г. спущен на воду и направлен в Астрахань, где попал в руки казаков Разина. Капитан был убит, матросы разбежались в Персию и Индию, а двое, лекарь Иван Термунт и плотник Карштен Брант, вернулись в Москву. Брант и оказался тем мастером, который взялся отладить найденный Петром старый бот, «любохотно починил бот оный, сделал мачты и парусы, и на реке Яузе при его величестве лавировал, что его величеству паче удивительно и зело любо стало» (Книга Устав морской 1720: 7).

Так родился «мотив паруса», которому суждено было разрастись до «мотива моря» и «мотива империи». Петр всю жизнь, несмотря на бурю событий и череду перемен, хранил в себе ту вспышку ощущений, которая толкнула его на самопреодоление, а затем на презрение границ вообще. С первого плавания до написания «Морского устава» минула треть века, но Петр описывал детали плавания так живо, будто переживал их заново. До конца дней он вспоминал «нептуновы потехи» юности, переросшие в морскую стратегию империи, а старый бот, названный им «дедушкой русского флота», возвел в ранг святыни. В 1722 г. в честь победы в Северной войне бот был выставлен на всеобщее обозрение в Кремле, на следующий год доставлен посуху в Шлиссельбург, проведен по Неве до Санкт-Петербурга и торжественно встречен судами невской флотилии. 30 августа 1723 г. по случаю второй годовщины Ништадского мира он вновь шествовал по Неве, и это шествие, по замыслу императора, должно было повторяться ежегодно.

Страсть Петра к парусным маневрам искала простора, постепенно обретая мотив «охоты к морю». В своих воспоминаниях он отмечал каждый шаг на этом пути. Сначала ему стала «узкая вода» Яузы, и он велел «перевести судно то на Просяной пруд». Затем пруд тоже оказался тесен, и царь отправился на Переславское озеро, а также «изволил ездить» на Кубинское озеро. Наконец Петр осознал, что его влечению мешают берега, и он «положил свое намерение видеть воду охоте своей равную, то есть прямое море». Так он добрался «к городу Архангельскому и отгуду на яхте своей именуемой Святого Петра ходил до Поноя» в компании голландских и английских мореходов. Оставался лишь шаг от игры до стратегии, от бота до флота, и Петр его решительно сделал — «всю мысль свою уклонил для строения флота». Так «ботик не к детскому только гулянью послужил ему, но подал вину к великому флота строению» (Книга Устав морской 1720: 7–9).

Увлечение Петра судовождением проглядывает в бесконечной череде церковных служб и ритуалов «дворцового обихода», которые ему приходилось исполнять. Например, в апреле 1690 г. Петр выехал в Коломенское необычным путем — «Москвою рекою в судах...», а к тому его государскому шествию изготовлено было плавное судно особым образом, на корабельное подобие, с парусы и с комнаты»; в марте 1691 г. на воду была спущена новая большая яхта, которую построил «собственноручно сам Петр», а в апреле он пару раз ходил на ней в Коломенское, «несмотря на дурную погоду и сильный противный ветер». 1692 г. начался с частых поездок царя в Переяславль Залесский, где он «с увлечением предавался кораблестроению и плаванию на озере», причем «сам принялся в Переяславле за постройку корабля и до такой степени увлекся этой работой, что решительно забыл обо всем окружающем» (Богословский 1940: 103, 120, 136, 139). Руководил судовым делом на Плещеевом озере все тот же наставник царя Франц Тимерман. В рутине московской жизни Петра наметился новый ритм, включавший постройку к весне очередного судна (при непосредственном участии царя) и открытие навигации апрельским плаванием.

Обозначилось и действие, повторившееся позднее в закладке Петербурга: за судостроением следовало градостроение — на южном берегу Плещеева озера царь возвел, помимо пристани и верфи, церковь, батарею и дворец.

Зимой и весной 1693 г. все шло своим чередом: Петр ездил в Переяславль, где готовилась к навигации «потешная» флотилия. В мае он «недели три плавал по озеру Плещееву», однако «эта поездка была последнею: чрез два месяца он перенес свои потехи на волны океана, и с тех пор посещал Переяславль Залесский только проездом из Москвы к Архангельску, да пред начало Азовских походов»; верфь и дворец на Плещеевом озере были заброшены, а построенные суда «гнили и разрушались» (Устрялов 1858: 145).

Озера стали мелки для Петра. В конце июля 1693 г. он на карбасах прибыл по Северной Двине к Белому морю со свитой в сто человек. В этом походе государь участвовал в звании сержанта Преображенского полка. В Архангельске его ждала двенадцатипушечная яхта «Св. Петр», приготовленная для морского путешествия на Соловки. Однако для своего первого морского вояжа царь предпочел вместо Соловков курс на Поной и компанию голландского капитана Йолсена, возглавлявшего возвращавшуюся из Архангельска в Европу англо-голландскую флотилию. «С живейшим любопытством следя за всеми движениями английских и голландских судов, любуясь их стройным ходом, красивою, доселе невиданною наружностью, ловкостью и искусством матросов, Петр почти не заметил, что он отдалился от Архангельска более чем за 300 верст и что уже недалеко был Северный океан» (Устрялов 1858: 151).

Петр обретал себя, когда катался на ботике по Яузе, строил потешный флот на Плещеевом озере, шел в шторм к Соловкам на яхте «Св. Петр», брал Азов при поддержке переброшенных с Севера и построенных в Воронеже галер, шел на голландских кораблях к берегам Европы, а затем силами собственного флота покорял Балтику. Складывается впечатление, что Петр не просто грезил флотом, но и боготворил его, и весь свой запас веры он перенес из церкви на верфь. Что бы он ни строил, получался флот или порт. Иногда его изображают мастером на все руки — и правителем, и просветителем, и хирургом, и плотником. На самом деле он махал топором не где придется, а только на стапелях.

ВЫБОР СЕВЕРА

Петр бывал на Азовском и Каспийском, мечтал о Черном, покорял Балтийское, но первым его морем было Белое. Судя по всему, царь был потрясен и очарован северными мореходами. Во всяком случае по возвращении из плавания к Поною летом 1693 г. он, паче чаяния царицы-матери, провел в Архангельске еще полтора месяца в ожидании голландских и гамбургских кораблей (к Успенской ярмарке на Двине собиралось до сотни европейских торговых судов) и лишь в середине сентября, с наступлением холодов, отправился в Москву. Впрочем, не только очарование и ожидание задержали Петра. Обнаружив, что среди торговых кораблей нет ни одного под русским флагом, он велел архангельскому воеводе тут же снарядить в путь два купеческих судна, одно из которых отправить немедленно, а другое — будущим летом. Одновременно царь, не изменяя сложившейся привычке, собственными руками заложил в Соломбале новый корабль, а еще один поручил купить в Голландии Витсену. По прибытии в Москву он незамедлительно принялся готовиться к следующей северной навигации, а себя возвел в звание шкипера.

Вторую навигацию в Архангельске Петр открыл плаванием к Соловкам в начале лета 1694 г. На этот раз он всерьез приобщился к мореходству, стоя на руле трещавшей от ураганного ветра яхты «Св. Петр». В знак спасения он собственноручно срубил памятный крест и написал на нем по-голландски: *Dat kruys. maken kaptein Piter. van. v. cht*, 1694 («Сей крест сделал шкипер Питер в лето Христово 1694»). Остаток лета в Архангельске Петр посвятил оснащению корабля «Апостол Павел» и ожиданию фрегата «Св. Пророчество» (*Santa Profeetie*) из Голландии, а затем плаванию до кольского Св. Носа и назад (Устрялов 1858: 168, 172).

Вкусив сполна тягот арктического мореходства, Петр перевел взгляд с Белого моря на Черное, где в те годы разворачивалась геополитическая игра вокруг Крыма с участием России, Турции и Польши. Южный вектор геополитики преобладал в христианском мире со времен крестоносцев, и тему освобождения Земли обетованной от османского ига настойчиво подогревали ближневосточные иерархи. Например, в грамоте 1691 г. иерусалимский патриарх Досифей наставлял московских царей-соправителей Иоанна и Петра: «Если вы, божественные самодержцы... отправите сюда посла, то прежде всего он должен стараться о нашем деле, о возвращении нам св. мест... Если хотите предлагать об Иерусалиме, то в случае отказа уже не заключайте мира, а начинайте войну. Теперь время очень удобное; возьмите прежде Украину, потом требуйте Молдавии и Валахии, также Иерусалим возьмите и тогда заключайте мир» (Соловьев 1991: 509).

В походы на Азов 1695–1696 гг. Петра влекли не столько религиозные переживания, сколько виды на южные моря. Московское войско при участии царя (на сей раз под именем бомбардира Преображенского полка Петра Алексея) на худых судах добралось по воде до Царицына и посуху перешло к Воронежу, где его ждала флотилия из тысячи стругов и будар. Азов привлек царя как порт, и целью похода было не взятие крепости, а выход к морю. После неудачной осады Азова в 1695 г. Петр был озабочен не усилением армии, а строительством флота — в Преображенском и в Воронеже, ставшем резиденцией Адмиралтейства. Часто по этому поводу говорят, что царь-де замыслил кораблями заблокировать крепость с моря. На самом деле он просто строил флот везде, где бывал, а бывал он по большей части там, где можно было строить флот.

Великое посольство в Европу 1697–1698 гг. было обставлено дипломатией, но мотивировано морским делом (в наказе Петра о подготовке поездки речь шла главным образом о флоте). В составе посольства числились три десятка «волонтеров», направлявшихся учиться «навигационному делу», в том числе сам царь (под именем Преображенского полка урядника Петра Михайлова) с другом Александром Меншиковым. По сути это была экспедиция за корабельным мастерством и корабельными мастерами — при каждом удобном случае Петр вербовал и направлял в Россию моряков и корабелов. Все остальные интересы — артиллерия, фортеции, наука, искусства — вращались вокруг морского дела.

Официальное посольство во главе с Францем Лефортом двигалось по суше, а Петр предпочитал водные пути (море, каналы, реки), благодаря чему нередко оказывался в пункте назначения первым. По прибытии в Амстердам он без задержки проследовал в Заандам, город корабельных мастерских, и сразу записался работником на верфь Линста Рогге. Неделю спустя он переехал в Амстердам, но и здесь первым делом добился разрешения работать на верфях Ост-Индской компании. Вряд ли у голландцев были другие столь же преданные августейшие ученики по классу морского дела. Со своей стороны они делали все возможное, чтобы закрепить эту ученическую привязанность. В честь Петра 9 сентября 1697 г. они заложили на амстердамской верфи фрегат «Петр и Павел», который 16 ноября был спущен на воду. Именно на постройке этого корабля особенно усердно плотничал урядник Петр Михайлов.

Эмоции царя по поводу успехов и неудач в корабельном деле преобладают над прочими переживаниями. Подводя итоги голландскому обучению, он осознал, что так и не разобрался в чертежах «пропорций корабельных» и потому не стал еще «архитектором корабельным». «...зело ему стало противно, что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг. И по нескольких днях прилучилось быть Его Величеству на загородном дворе купца Яна Тесинга в компании, где сидел гораздо невесел ради вышеописанной причины. Но когда между разговоров спрошен был, для чего так печален, тогда оную причину объявил. В той компании был один англичанин, который слыша сие сказал, что у них в Англии эта архитектура так в совершенстве, как и другое, и что кратким временем научиться можно. Сие слово Его Величество зело обрадовало, по которому немедленно в Англию поехал и там чрез четыре месяца оную науку окончил и при возвращении своем вывез с собою двух корабельных мастеров, Яна Дена да Осипа Ная. И уже не

суетная явилась надежда быть совершенному флоту морскому в России, когда сам Российский монарх стал корабельным архитектором, а то скоро и делом самым показалось» (Книга Устав морской 1720: 9–10).

В Англии Петр не изменил себе, уйдя с головой в корабельное дело на верфи в Дептфорде. Осмотр судов королевского флота доставил ему намного больше впечатлений, чем посещение картинной галереи Кенсингтонского дворца, а в комнате короля его больше всего заинтересовал прибор для замера ветра. И в дипломатии Петра получалось, что не флот служит политике, а политика — флоту. Главные фигуранты тогдашней российской геополитики — турки и шведы — располагались на морях, соответственно южных и северных. Выбор вектора морской стратегии и был главной темой дипломатии Великого посольства. Уловив нежелание императора Леопольда поддержать его стремление к Черному морю, Петр заметно охладел к югу и отменил намечавшуюся поездку в Венецию. Официально смена курса связывалась с известием о стрелецком бунте в Москве, но Петр нашел время навестить в Раве короля Августа ради альянса против Карла XII, и все его последующие шаги были направлены на север. Отправлялся Петр в европейский вояж с мыслями о Черном море, а возвращался с видами на Балтийское. Тем самым Великое посольство стало прелюдией Северной войны (1700–1721 гг.).

Выбор Севера в геополитике Петра был предопределен реалиями морского дела, исходя из которых даже на Азов корабли доставлялись из Архангельска. Два северных для России моря — Белое и Балтийское — выглядели главной ареной морской стратегии, при этом Белое было в доступе, а Балтийское — в поле зрения. «Охота к морю» властно вела Петра на Балтику.

Вступление в Северную войну потребовало мобилизации ресурсов на подступах к Балтике. Летом 1702 г. с Белого моря на Ладогу за две недели, с 16 по 28 августа, силами солдат и поморов по расчищенной от леса «Осударевой дороге» длиной 160 верст, от беломорской Нюхчи до онежского Повенца, были волоком переброшены малые фрегаты (буеры) «Св. Дух» и «Курьер»: «Его Величество с... пятью батальонами гвардии августа в 5 день от города Архангелского учинил морем транспорт... мимо Соловецкого монастыря к деревне Нюхче, а оттоль сухим путем до... Повенца чрез пустыя места и зело каменистые» (Гистория 2004: 222–223).

Такого рода неожиданные маневры с участием царя стали прологом первых успехов на Ладоге и Неве: шведская эскадра вице-адмирала Г. фон Нумерса отошла с Ладожского озера, благодаря чему появилась возможность овладеть Нотебургом (Орешком) 11 октября 1702 г. (Кротов 2010: 242). Зимой по льду русские войска прошли Неву от истока до устья, заняв 30 апреля 1703 г. Ниеншанц на Охте. По этому случаю советник царя и «надзиратель артиллерии» Андрей Виниус писал Петру: «отверзошася пространная порта бесчисленных нам прибытков». 16 мая 1703 г. у Невского устья уже стучали топоры, рубили деревянный городок — «этот городок был *Питербурх*, столица Российской империи» (Соловьев 1991: 620).

КЛЮЧИ И ЯКОРЯ

Плацдармом победы в Северной войне стала новая северная столица. Идея ключа от моря (Балтики, Европы) пронизывала все действия и маневры Петра даже на уровне риторики и символики. Отбив у шведов крепость Орешек (Нотебург) в истоке Невы, он с ходу переименовал его в Шлиссельбург (Ключ-город). Взяв Ниеншанц в устье Невы, он назвал его Шлотбург (Замок-город). Сложилась формула ключ+замок: отныне Нева была открыта для русских и закрыта для шведов, а ключом от Невы владел Петр. Однако история с ключами на этом не закончилась. Зимой 1703–1704 гг. на выходе из Невской губы в Балтийское море у острова Котлин был построен форт Кроншлосс (Коронный ключ), вскоре переименованный в Кроншлот (Коронный замок), а затем, по мере роста крепости и сети фортов, — в Кронштадт (1723). У Петра в руках оказалась уже связка ключей, которые, как в случае с Кроншлосом и Кроншлотом, легко было перепутать (к тому же называя их то по-голландски, то по-немецки).

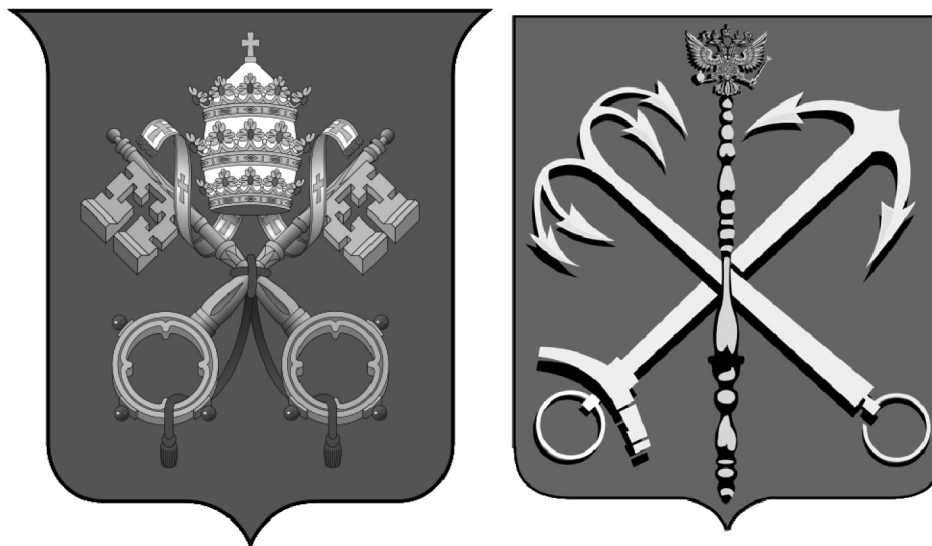

Рис. 1. Герб Ватикана (слева) и герб Санкт-Петербурга (справа)
Fig. 1. Coat of arms of the Vatican (left) and coat of arms of St. Petersburg (right)

Петровская игра в ключи и замки (как и всякая царская потеха) вскоре стала общим увлечением и притчей во языцех. Через семнадцать лет после взятия Орешка обер-иеромонах флота Г. Ф. Бужинский на проповеди в Шлиссельбурге сказал: «Ключ сей отверзл море Балтийское..., ключ сей — основание царствующего С-Питербурха» (Кротов 1997: 78). В устах проповедника эта метафора звучала уместно еще и потому, что идея Петербурга изначально несла в себе смысл ключа не только от моря, но и от рая: как известно, в евангельской традиции апостол Петр, небесный покровитель царя и его новой столицы, считался хранителем ключей от рая. Не случайно первой на Заячьем острове 24 июня 1703 г. была заложена церковь Петра и Павла.

В сознании Петра и геральдике Петербурга причудливо сплелись образы ключей и якорей, которые не только в пластике, но и в семантике передавали идею города-рая на стыке моря и суши. Для Петербурга «гербом были избраны трансформированные в якоря ключи Рима» (Анисимов 2018: 19). По случаю геральдистом в Петербурге то время служил приглашенный Петром итальянец Франческо Санти, и ему была близка аллегорическая переключка скрещенных якорей на гербе Петербурга и скрещенных ключей на гербе Ватикана (рис. 1).

В государственной мифологии петровского времени постоянно подчеркивалась связь двух «градов святого Петра» — Рима и Санкт-Петербурга. По аналогии с Римом и его ключами от рая Петербург предстал «северным Римом» (в этих тонах его воспевали Г. Державин и А. Сумароков).

Петр называл Петербург «мой рай». Он строил рай, но не успел в нем пожить. В его годы Петербург был скорее мастерской, чем парадизом. Город, именуемый «Петра твореньем», в момент рождения и в дни взросления ничем не напоминал рай. Если к тусклым тонам северной природы добавить мрачные краски войны и прифронтовых будней, то сложится картина, отчасти переданная Вольтером: «Царь упорствовал в своем стремлении поселить людей в такой местности, каковая совершенно не годилась для жизни. Ничто не могло поколебать его решения — ни бесплодие земли, ни наводнения, смывавшие все уже построенное, ни невежество работников, ни даже смертность, унесшая только при самом начале двести тысяч душ. Уже в 1705 г. Петербург стал городом, а порт его наполнился кораблями» (Вольтер 1999: 87).

Переезд Петра из Москвы в Петербург, как заметил В. О. Ключевский, имел мало общего с поиском уюта: «...вместо кремлевских палат, пышных придворных обрядов и нарядов — плохой домик в Преображенском и маленькие дворцы в новой столице; простенький экипаж, в котором, по замечанию очевидца, не всякий купец решился бы показаться на столичной улице; на самом —

простой кафтан из русского сукна, нередко стоптанные башмаки со штопаными чулками» (Ключевский 1990: 379).

Петра влекло не удобное, а «небываемое». В Москве ему было тесно, и, как выразился Даниил Гранин, «из Кремлевского дворца он вырвался словно на волю». При этом «северный рай» состоял вовсе не в роскоши: «В Петербурге построил себе, в сущности, лачугу на берегу Невы, его Летний дворец на другом берегу тоже никакой не дворец» (Гранин 2001: 58). Ключ к морю открыл Петру имперский простор, мир морей и кораблей, бывших для него идеей жизни. Если Москва ассоциировалась у царя с душным миром боярских и стрелецких заговоров, то Петербург стал грандиозной новостройкой «земного рая». И здесь в очередной раз, как в далекой юности, проявилось дарование царя выступать не только повелителем, но и строителем: способность «предаваться опытам философическим» с лотом или топором в руках выдает в нем мастера, который творит чудеса собственными руками. Правда, мечта о великом городе — «Снежном Вавилоне», «Северной Пальмире», «Северной Венеции» — сбылась не при Петре, а позднее, во времена Елизаветы и Екатерины, но именно он породил чудо, которое выросло в «северный рай» и до сих пор восхищает своих обитателей и посетителей не только унаследованным от прошлого совершенством, но и способностью органично обновляться.

ЭХО СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Антипод Петра I Карл XII (рис. 2, 3, см. вклейку) всю свою бурную жизнь мечтал о славе «Северного Александра» и почти добился ее в походах по Польше и Саксонии, но не заметил, как в пылу сухопутных викторий утратил «скипетр Посейдона» — власть над морем. Когда он, подчинив Польшу и сменив ее короля (Августа на Станислава), решил добить последнего врага — русского царя, то двинулся не морем, а сушей, все дальше отходя от родной стихии и погружаясь в «пучину суши».

На исходе 1707 г. Карл готовил решающий удар и выбирал для него одно из трех направлений — на Петербург, на Москву или на Малороссию. В этот критический момент Петр поручил Малороссию Меншикову, Москву — царевичу Алексею, а Петербург оставил за собой (Платонов 1997: 557). Русский царь сделал нестандартный выбор в пользу моря и севера, тогда как шведский король рискованно предпочел сушу и юг. Прежде Карл легко побеждал на севере (Копенгаген и Нарва в 1700 г.), а на юге его ждал шаткий Мазепа и крах под Полтавой (1709).

Биографы Карла, представляя его «последним королем-викингом» (Цветков 2005), упускают из виду, что он изменил викингской традиции, предпочтя сушу морю. Казалось, шведскому королю самой судьбой предписано быть северным Фемистоклом, а не Александром. Но расклад мотивов двух стратегов выглядел парадоксально: Петр владел сушей и мечтал о море, а Карл обладал морем и жаждал суши. В итоге новым Фемистоклом стал не Карл, а Петр: в 1703 г. он заложил Кроншлот и Петербург; в 1705 г. русская эскадра под командованием голландца Крюйса отразила у Кроншлота нападение шведского флота; в 1704 г. были взяты Дерпт и Нарва, в 1710 — Выборг, Рига, Аренсбург, Пернов, Ревель, в 1713 — Гельсингфорс, Турку, Борго.

Итак, Петр выбрал море, Карл — сушу, Петр — север, Карл — юг. Там же, на юге, шведский король проиграл решающую битву, а затем на пять долгих лет увяз в нелепом турецком плену в Бендерах, с каждым днем теряя инициативу и шанс на реванш. Он так и не вернулся в Стокгольм, где его напрасно ждал императорский флот. В Бендерах он был сам не свой: пять лет жил на подаяния султана, подталкивая его к войне с Москвой и время от времени устраивая скандалы, а 1 октября 1714 г. бежал (или был выдворен) из Турции и четыре года спустя 1 декабря 1718 г. пал от шальной пули при осаде норвежского Фредриксхалля.

Между тем исход схватки за имперское могущество предрешался не в Малороссии и не в Турции, а на Неве и на Балтике. Пока Карл покорял Европу, Петр промерял глубины на Балтике и сооружал форты вдоль фарватера у Кронштадта. Как писал Вольтер, «двадцать лет назад у Петра

Алексеевича не было на Балтийском море ни единой лодки, а ныне он стал властителем сего моря и имел там тридцать больших линейных кораблей, один из коих царь построил собственными своими руками. Он был лучшим плотником, лучшим адмиралом и лучшим лодчманом на всем Севере. Не было ни одного опасного пролива, который он самолично не промерил бы, начиная с Ботнического залива и до самого океана. Познав труд простого матроса, Петр вместе с тем предавался опытам философическим, столь необходимым для замыслов императора» (Вольтер 1999: 222).

Русские учились у шведов воевать (не впервые в истории) и добились в этом ученичестве впечатляющих успехов. После Полтавской битвы Петр пригласил за свой стол пленных шведских генералов и поднял тост «За здоровье учителей моих в искусстве воинском!» Генерал Реншильд спросил, кого именно почтил царь столь лестным титулом. «Вас, господа шведские генералы», — отвечал Петр (Вольтер 1999: 136).

Полтава не только стала новой реальностью как поле решающей виктории, но и послужила символом дальнейших побед в названии флагмана Балтийского флота 54-пушечного парусного линейного корабля, заложенного Петром по возвращении из южного похода 6 декабря 1709 г. Спуск «Полтавы» на воду два с половиной года спустя (15 июня 1712 г.) и ее торжественный проход на рейд у Кронштадта летом 1712 г. стал всеобщим торжеством и многозначительно совпал с провозглашением Петербурга столицей (других церемониалов по этому поводу как будто не проводилось). Судя по всему, флагман флота значил для становления Петербурга едва ли не больше, чем любой из дворцов, к которым, в отличие от кораблей, царь пристрастия не питал.

За время Северной войны Петр заметно «осеверячился» и укрепился на Балтике настолько, что решился на открытый морской бой со шведами за пределами Невы и Кронштадта. В Гангутской баталии 27 июля (7 августа) 1714 г. русский гребной флот разбил шведскую эскадру, при этом шатбенахт (контр-адмирал) Петр Михайлов за личное участие в абордажной атаке и общую викторию был произведен в вице-адмиралы (царь Петр скрупулезно соблюдал правила игры в награды и чины).

Петр торжествовал: возникший из небытия русский флот стремительно набирал мощь. Это видно по тону царя в письме 1716 г. корабельному мастеру Ричарду Козенцу (построившему флагман «Ингерманланд»), где он описывал строй русских судов на рейде Ревеля: «Объявляю Вам, что корабль “Ингерманланд” на парусах зело изрядный, так что лучше его нет, и только отстают от него братья его, а приемыши все на зади» (Гребенщикова 2016: 69). «Приемышами», что следуют «на зади» за петербургским линейным кораблем, были суда, купленные в Англии и Голландии, еще недавно казавшиеся непревзойденными шедеврами кораблестроения.

Северные успехи утверждали в царе победный дух, придавая размах его действиям во всех сферах внутренней и внешней политики. Из обаятельного ученика Европы Петр быстро превращался в опасного соперника. Когда в 1716 г. он заявил претензии на Висмар и Мекленбург, Европа встревожилась и по-новому оглянулась на двадцатилетней давности Великое посольство и на пытливого урядника Петра Михайлова. Виктории Петра произвели угнетающее впечатление даже на его старых голландских друзей, и новый визит русского царя в Европу в 1716–1717 г. вызвал больше опасений, чем умилений.

Имперские амбиции Петра I стремительно росли. 28 июня 1719 г. он подписал декларацию «О дозволении подданным Великобритании и Соединенных Нидерландских Штатов производить свободно торговлю со Швециею, кроме товаров, объявленных при сем контрабандными». Государь повелел «генералу-адмиралу и прочим адмиралам и морским офицерам, и кораблям военным, фрегатам и арматорам» производить досмотр купеческих судов в Балтийском море. «Ежели оные сыщутся безпорочны и по морским правам учреждены, безвозбранно пропускать, и отнюдь не брать и не задерживать. Оные же корабли, которые теми контрабандами нагружены, или неправы, и яко вымышленики... повелели брать и в наши пристани приводить, и по суду яко добрые призы декларировать... Роспись товарам и вещам, которые за контрабанд почтены быть имеют: порох, свинец, селитра, сера, пенька и все, что ко флоту надлежит, хлеб всякой соль» (ПСЗРИ 1830: 719–720; № 3398).

В 1719–1721 гг. Петр уже посылал русские корпуса в Швецию. По Ништадскому миру 1721 г. Россия получила Ингрию, Лифляндию, Эстляндию и Карелию. Во время торжеств по этому поводу 22 октября 1721 г. Сенат поднес Петру титул императора, Отца отечества и Великого. Оглашая решение Сената, канцлер граф Г. И. Головкин сказал, что с гением Петра мы «из небытия в бытие произведены» (Платонов 1997:494).

СЕВЕРНАЯ ИМПЕРИЯ

Северная война превратила Россию в северную империю со столицей в устье Невы. Петр называл Северную войну Свейской (Шведской) и до конца своих дней работал над «Гисторией Свейской войны». Зная все ее детали, он осознавал, что война эта велась не за участки суши, а за власть морскую, имперскую. Главным трофеем Великой Северной войны (обозначение «Великая» служит в историографии для различения с предшествовавшей ей Северной войной 1655–1660 гг.) стала «великая» имперская власть. Завершился полуторавековой период «балтийского господства» или «великодержавия» (*stormaktstiden*) Швеции, когда ей принадлежала Прибалтика, Восточная Финляндия, Бремен, Верден, Висмар, Рюген, Штеттин, Лифляндия, части Померании и Дании, когда она владела заморскими колониями Новой Швецией в Северной Америке (ныне штат Делавэр) и Шведским Золотым Берегом в Африке. Проиграв войну, Швеция уступила России и статус великой державы. Северная имперскость переместилась из Стокгольма в Петербург, и вскоре Швеции пришлось ощутить неведомый ей прежде страх русской угрозы. Кстати, в «войнах памяти» дуэль между последним шведским и первым русским императорами продолжается и поныне: вражда национального героя Швеции Карла XII и национального героя России Петра I воспроизводится в устойчивом российско-шведском антагонизме (Roberts 1991: 164–165).

Переход великодержавия от Стокгольма к Петербургу вскоре стал фактом философии Просвещения.

Лейбниц: «Я убежден в том, что Россия будет на севере иметь то самое значение, которое до этого имела Швеция, и что даже она пойдет еще гораздо дальше. Так как этот государь весьма могуществен, то, по моему мнению, должно считать большою выгодою пользоваться его расположением и доверием» (Брикнер 2014: 327).

Вольтер: «Теперь московитский император заменил Карла в качестве арбитра Польши и севера Европы»; «блеск и удачи Карла перешли отныне к царю» (Вольтер 1999: 151, 224).

Петр не просто отнял у Карла статус империи. Он превзошел его в морском и военном деле, а также в размахе градостроительства и архитектуры, наук и художеств, сосредоточенных отныне в новой имперской столице. Собственно, Петербург и воплотил в себе северную империю, называвшуюся уже не Московией (Московским царством), а Россией (Российской империей).

Часто Санкт-Петербург представляется реализацией европейской идеи, поскольку он «был первым городом в Европе, который с самого фундамента закладывался как столица... огромные городские пространства, отводившиеся под будущие мануфактуры... широченные по тем временам улицы, набережные, проспекты поражали даже иностранцев своей шириной и протяженностью... Планировкой города занимались европейские архитекторы, в основном итальянцы, швейцарцы, французы, немцы» (Васильев, Полторак 2018: 4). В то же время Петербург «строился царем как антитеза Москве», и московская политическая концепция «византийского пути» сменилась экспансионистским «римским проектом», ознаменовавшимся провозглашением Российской империи в 1721 г. (Анисимов 2018: 19).

Выраженный О. Шпенглером взгляд из «Европы на закате» различает в Петербурге «псевдоморфоз, втиснувший примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем — XIX столетия. Петр Великий сделался злым роком русскости... Примитивный московский царизм — это единственная форма, которая в пору русскости еще и сегодня, однако в Петербурге он был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы»

(Шпенглер 1998: 197). Если бы Шпенглеру довелось в свое время побывать в Петербурге (Петрограде), он нашел бы понятию «псевдоморфоз» более подходящее применение. Город не только не уступал европейским столицам в архитектурном изяществе, но и превосходил их пространственным размахом и гармонией многообразия. Если бы последователи Шпенглера проследили дальнейшую судьбу города, то убедились бы, что, несмотря на войны, революции, блокаду, эвакуации и миграции, Петербург сохранил неподражаемую самобытность и самоорганизацию. В нем оригинально и органично сочетаются дворцы и люди, проспекты и каналы, Нева и небо, а многое из того, что в иных местах выглядело бы изъясном, например частые дожди и зимний сумрак, приобретает оттенки высокой эстетики и символики. Не обладай Петербург качествами укорененности, он не сохранял бы до сих пор своей органичной красоты и жизнеспособности.

Петербург — не окно, а очаг империи. Он собран из всей России, из всей ее истории и со всех ее концов: он и северная столица, и «окно в Европу», и очаг ориентализма, и «новый Рим». В разные времена он приобретал оттенки сообразно вкусам и предпочтениям его строителей, сохраняя при этом исходную самобытность. По-своему прав и В. Ф. Ходасевич, утверждая, что в «воображаемости» Петербурга есть действительность, «выражавшая нечто реально существующее, истинно и глубоко русское» (Ходасевич 1996: 225). Понять Петербург как явление культуры «можно лишь исходя из внутренней логики его собственного развития. Вобрав множество чуждых влияний, город неизменно видоизменял их, подчиняя собственному духу» (Спивак 1998: 6).

Феномен Петербурга не в псевдоморфозе. Город вобрал в себя мощь и эстетику рождающейся и растущей империи. Он вырос не чьим-то двойником или антагонистом, а стержнем громадной страны, его породившей и им перерожденной. Почвенность Петербурга не в зелени лесов и синеве рек, а в богатстве и многообразии империи. По своим свойствам эта почвенность не локальная, а магистральная, охватывающая огромные пространства путей, цепочки связей и заимствований. Петербург впитал в себя несколько «северностей»: финскую (от земли, о которой повествует «Калевала»), шведскую (от прежних крепостей, включая Ниеншанц), новгородскую (со времен Александра Невского). Наконец, город встал на месте, исходном для Руси, на перекрестке путей и отношений, которые естественны для Руси и России. Эти свойства и условия собираются в понятии «северности России», которая служит почвой естества и мощи Петербурга.

Норвежский историк Йенс Нильсен считает основание Санкт-Петербурга важным этапом «бореализации», или усиления «северности», России. Северная столица стала не только символом нового самосознания России, но и «олицетворением северной ориентации русской культуры». Север стал способом приблизиться к Европе, мостом между Россией и Западной Европой. Петр I основал Санкт-Петербург как «окно на Запад». Однако это «окно», о котором впервые упомянул итальянский философ Франческо Альгаротти в 1739 г., было обращено на Запад через Север. Альгаротти писал о «новом городе, большом окне, только что открытом Севере, через которое Россия смотрит на Европу» (Neumann 1999: 76; Нильсен 2017: 26).

Как Север обусловил особый колорит Петербурга, так и Петербург обновил образ Севера. Он придал российской северности шлейф имперскости, величия, высокой эстетики. Благодаря Петербургу Север вошел в моду, стал аурой искусств и наук.

Впрочем, картина петербургской северности скорее драматична, чем идиллична. К изречению Н. М. Карамзина «Петербург основан на слезах и трупах» (Карамзин 1914: 37) архангельский историк В. Н. Булатов добавляет: «Петербург строился “на костях” северян... больше всего работников прибывало из городов и сел Русского Севера» (Булатов 1999: 235). На самом деле Петербург не был первым «северным окном в Европу», а перехватил эту функцию у Архангельска, со времен Ивана Грозного регулярно принимавшего европейские корабли. Петербург «в практической жизни в качестве торговых ворот в Европу воспринимался как новый Архангельск» (Лотман, Успенский 1982: 241).

По царскому велению Петербург отнял у Архангельска морское и торговое первенство. В 1710 г. Петр запретил вывозить хлеб через Архангельск. Указ 1713 г. предписывал русским

купцам доставлять пеньку и юфть не в Архангельск, а в Петербург. Позднее то же правило распространилось на икру, клей, поташ, смолу, щетину, а в 1722 г. было вообще запрещено возить товары в Архангельск. По распоряжению Петра наиболее влиятельные купцы из Архангельска и других городов России были перевезены в Петербург. Если в 1720 г. в Архангельск прибывало ежегодно 140–150 торговых судов, то в 1725 — около 50, зато в Петербурге их число в то же время приросло от 114 в 1720 до 450 в 1725 г. (Булатов 1999: 235, 252–253).

Не заладилась у Петра дружба с русскими поморами, имевшими свои давние связи со скандинавами: в «Морском уставе» в связи с плаваниями по Белому морю в 1693 и 1694 гг. он упомянул только англичан и голландцев, умолчав о поморах, которые не только ходили с ним на яхте «Св. Петр», но и строили суда для Северной войны, волокли их по «Осударевой дороге» с Двины на Онегу и Ладогу. Возможно, поморы не угодили царю тем, что без его указов ходили по морям, строили свои суда, а северный поморский флот, как и северный морской ход в Европу, существовал задолго до Петра. Ревностью и жесткостью можно объяснить указ царя от 28 декабря 1714 г. губернатору Архангельска П. Е. Лодыженскому «О делании морским промышленникам вместо ладей и кочей галиотов и других новоманерных судов»: «По получении сего указа объявите всем промышленникам, которые ходят на море для промыслов своих на лодьях и на кочах, дабы они вместо тех судов делали морские суда: галиоты, гукоры, каты, флейты, кто из них какие хочет, и для того дается им сроку на старых ходить только два года, а по нужде три года; а по прошествии того сроку чтоб старые все перевесть: и для того ныне вновь кочей и лодей делать не вели под штрафом» (ПСЗРИ 1830: 156; № 2873).

Для пущей строгости Петр собственной рукой вписал пояснение к штрафу: «Оное взять судно и сверх того вдвое денег, во что оное стало». Решимость царя в борьбе с поморской мореходной традицией объясняется его упорством в европеизации отечества (настрой указа становится понятнее при взгляде на следующий за ним указ № 2874 от 29 декабря 1714 г. «О неторговании русским платьем и сапогами и о ношении такового платья и бород», в котором ношение русского платья карается кнутом и каторгой). Ровно через год 28 декабря 1715 г. указ о кочах и «новоманерных судах» был повторен, а 1 марта 1719 г. последовал еще более суровый: «...объявите указ всем поморским жителям, дабы они впредь для морского ходу делали галиоты, гукоры, краеры... и для того старые их суда, лодьи, карбасы, соймы, качи и прочие велите переорлить [заклеймить] и дайте им на тех заорленных доходить, а вновь отнюдь не делали б; а буде кто станет делать после сего указа новые, тех с наказанием ссылать на каторгу, и суда их изрубить» (ПСЗРИ 1830: 678–679; № 3323).

Странно выглядят указы рубить суда, исходящие от человека, трепетно относившегося ко всему морскому и флотскому, как зеницу ока оберегавшего старый английский ботик. Судя по всему, поморские кочи представлялись Петру чем-то вроде длинных бород и рукавов. Царь создавал свой Русский Север, ревниво относясь к предшественникам и осознанно подавляя поморскую традицию «новоманерными судами». Впрочем, поморы со своей стороны проявили упорство и сподвигли архимандрита Соловецкого монастыря убедить Сенат в неудобстве «новоманерных судов» на мелководье и в рыбном промысле, но отмены петровских указов удалось добиться не сразу даже после его смерти. Лишь 26 октября 1730 г. Анна Иоанновна разрешила строить «староманерные» суда Соловецкому монастырю и приписанным к нему крестьянам. В дальнейшем поморы вернули многие старые традиции судостроения (Булатов 1999: 255), а с началом арктических плаваний Великой Северной экспедиции технологии кочей стали применять и военные моряки.

ВОЗВРАЩЕНИЕ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

При описании основания Петербурга С. М. Соловьев прерывает обычное для него размеренное повествование эмоциональным пассажем: «В IX веке по Р. Х. устьем Невы начинался великий путь из варяг в греки; этим путем в половине века началась Россия. В продолжение осьми с по-

ловиной веков шла она все на восток; дошла вплоть до Восточного океана, но сильно наконец встосковалась по Западном море, у которого родилась, и снова пришла к нему за средствами к возрождению» (Соловьев 1991: 620).

Историк видит возвращение России к истокам, но располагает ее по оси Запад — Восток. Между тем царь Петр развернул свою геополитику прежде всего по оси Север — Юг, между Балтийским и Черным морями. Подобно своим далеким предшественникам, древнерусским князьям, он строил «империю флота» с ключевыми портами на севере и на юге, только на этот раз место Ладоги занял Петербург, а Киева — Воронеж.

В «Морском уставе» Петр отдал должное древнерусскому (варяжскому) флоту, хотя и с ноткой пренебрежения: «В древнейшие времена... Мало ниже лет Руриковых является нам некий флот российский на Понте Эвксине или на Черном море... что Игорь великий князь российский ходил под Константинополь Черным морем с флотом, в пятнадцати тысячах судов. Но то не корабли или иные какие воинские великие суды были, но струги чаю казацкие, каковы и ныне оные на море употребляют, из одного дерева выдолбленные... И посему известно, что древний оной флот российский не таков был, о яковом ныне беседуем, не из великих кораблей, но из малых лодок составлен» (Книга Устав морской 1720: 1, 2).

Как и в случае с поморами, Петр не слишком жаловал предшественников и, кратко помянув Рюрика и Игоря, провозгласил себя «автором» и «архитектором» российского флота и мореходства: «И уже не суетная явилась надежда быть совершенному флоту морскому в России, когда сам российский монарх стал корабельным архитектором» (Книга Устав морской 1720: 10).

В ходе Великой Северной войны Московское царство превратилась в Российскую империю с новой северной столицей Петербургом. Тем самым петровская Россия вернула себе изначальное свойство рюриковской Руси — междуморья, пути между морями. Оставаясь пока без доступа к Черному морю, она соединила путями Балтийское, Каспийское, Белое, а затем и другие северные и восточные моря. В новой конфигурации сеть путей с центром на Неве выглядела реваншем исходной для Руси точки отсчета «из варяг» — на этот раз «из северной столицы России». Другими словами, и Русь, и Россия начинались на Севере как пути между морями. Как в VIII в. викингская *русь* пришла на своих длинных кораблях на Ладогу, так тысячелетие спустя, в XVIII в., у Ладоги, на Свири в Лодейном поле, летом 1703 г. в разгар войны со Швецией строился российский флот — фрегат «Штандарт», галиоты, буера и другие суда. Империи еще не было, но ее флот уже спускался на воду. В обоих случаях Русь и Россия начинались с военно-морской идеи, с северного флота и неизменно в диалоге со Швецией.

Петр не случайно перевез мощи Александра Невского из Владимира в Петербург к третьей годовщине Ништадского мира 30 августа 1724 г. в знак преемственности Северной войны и Невской битвы. С 1704 г. Александр считался третьим после апостолов Петра и Павла покровителем Санкт-Петербурга, а в 1710 г. Петр сам выбрал место (Викторы) для строительства монастыря во имя Св. Троицы и св. Александра Невского (Гистория 2004: 364; Сиренов 2021: 5, 20, 21). В почитании князя Александра выразилась не только память о победителе шведов в Невской битве, но и поклон роду Рюриковичей и началу Руси, красноречивая параллель между древней Русью и Российской империей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов Е. В. Петр Первый: благо или зло для России? М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Анисимов Е. В. Москвич, бежавший из Москвы // История Петербурга. 2018. № 73. С. 16–19.
- Бесярых Ю. Н. Петр Великий и море // Труды Всероссийской научной конференции «Когда Россия молодая мужала с гением Петра», посвященной 300-летию юбилею Отечественного флота. Вып. 1. Переяславль-Залесский: Переяславль-Залесский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 1992. С. 129–131.
- Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. I. Л.: Госполитиздат, 1940.

- Брикнер А. Г.* История Петра Великого. М.: Директ-Медиа, 2014.
- Булатов В. Н.* Русский Север. Кн. III: Поморье (XVI — начало XVIII в.). Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1999.
- Васильев Ю. С., Полторак С. Н.* Создание Санкт-Петербурга — стратегический замысел Петра I // История Петербурга. 2018. № 73. С. 3–5.
- Вольтер.* История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб.: Лимбус Пресс, 1999.
- Гистория Свейской войны (поденная записка Петра Великого). Вып. I / сост. Т. С. Майкова. М.: Кругъ, 2004.
- Головнёв А. В.* Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 476–485.
- Головнёв А. В.* Северность России: фрагменты исторического опыта // Север: арктический вектор социально-экологических исследований / отв. ред. В. Н. Лаженцев. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. С. 5–17.
- Гранин Д. А.* Вечера с Петром Великим. СПб.: Logos, 2001.
- Гребенщикова Г. А.* Некоторые конструктивные особенности 66-пушечных кораблей Балтийского флота // Судостроение. 2016. № 4. С. 69–72.
- Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. СПб.: тип. А. Дресслера, 1914.
- Ключевский В. О.* Курс русской истории. Т. 8. М.: Мысль, 1990.
- Книга Устав морской. О всем, что касается доброму управлению в бытность флота на море. СПб.: Санкт-Петербургская типография, 1720.
- Кротов П. А.* Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. СПб.: Русско-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1997. С. 63–98.
- Кротов П. А.* Царская дорога 1702 г.: исторический опыт взаимодействия центра и регионов // Центр и регионы в истории России. СПб.: Скифия-принт, 2010. С. 222–251.
- Кутищев А. В.* Армия Петра Великого: европейский аналог или отечественная самобытность. М.: Компания Спутник, 2006.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 236–249.
- Нильсен Й. П.* Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах: пер. с норвеж. М.: Весь мир, 2017.
- Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. СПб.: Кристалл, 1997.
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Т. V. СПб.: тип. II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830.
- Сиренов А. В.* Реликварий Александра Невского в истории русской культуры // Реликварий Александра Невского. Исследования и материалы. М.: РОССПЭН, 2021. С. 5–23.
- Соловьев С. М.* Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. VII, тт. 13–14. М.: Мысль, 1989.
- Спивак Д. Л.* Северная столица. Метафизика Петербурга. М.: Эко-Вектор, 1998.
- Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. II. Потешные и азовские походы. СПб.: Второе отделение собственной е.и.в. канцелярии, 1858.
- Ходасевич В.* Собрание сочинений: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2.
- Цветков С. Э.* Карл XII. Последний викинг. 1682–1718. М.: Центрполиграф, 2005.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993; Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998.
- Durev G., Dimitrov A.* Peter I and the Birth of the Russian Empire: Political Leadership and Military Successes in Comparative Perspective // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (6). С. 71–88.
- Neumann I.* Uses of the Other. “The East” in European Identity Formation. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1999.
- Roberts M.* From Oxenstierna to Charles XII. Four Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

REFERENCES

Anisimov E. V. *Petr Pervyi: blago ili zlo dlia Rossii?* [Peter the Great: Good or Evil for Russia?]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. (In Russian)

- Anisimov E. V. Moskvich, bezhavshii iz Moskvy [Muscovite who Fled from Moscow]. *Istoriia Peterburga*, 2018, no. 73, pp. 16–19. (In Russian)
- Bespiatykh Yu. N. Petr Velikii i more [Peter the Great and the Sea]. *Trudy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii “Kogda Rossiia molodaia muzhala s geniem Petra”*, posviashchennoi 300-letnemu iubileiu Otechestvennogo flota. *Vyp. 1* [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference “When Young Russia was Maturing with the Genius of Peter”, Dedicated to the 300th Anniversary of the Russian Navy]. Pereiaslavl’-Zalesskii: Pereslavl’-Zalesskii istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik, 1992, pp. 129–131. (In Russian)
- Bogoslovskii M. M. *Petr I. Materialy dlia biografii. Tom I.* [Peter I. Materials for Biography. Vol. 1]. Leningrad: Gospolitizdat, 1940. (In Russian)
- Brikner A. G. *Istoriia Petra Velikogo* [History of Peter the Great]. Moscow: Direkt-Media, 2014. (In Russian)
- Bulatov V. N. *Russkii Sever. Kniga III. Pomor’e (XVI — nachalo XVIII veka)*. [Russian North. Bk. 3. Pomorland (16th — early 18th Centuries)]. Arkhangel’sk: Izd-vo Pomorskogo un-ta, 1999. (In Russian)
- Durev G., Dimitrov A. Peter I and the Birth of the Russian Empire: Political Leadership and Military Successes in Comparative Perspective. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2021, no. 14(6), pp. 71–88.
- Golovnev A. V. *Severnaia perspektiva v istorii Rossii. Sotsial’nye transformatsii v rossiiskoi istorii* [Northern Perspective in the History of Russia. Social Transformations in Russian History]. Ekaterinburg; Moscow: Akademkniga, 2004, pp. 476–485. (In Russian)
- Golovnev A. V. Severnost’ Rossii: fragmenty istoricheskogo opyta [Northern Russia: Fragments of Historical Experience]. *Sever: arkticheskii vektor sotsial’no-ekologicheskikh issledovaniy* [North: the Arctic Vector of Socio-Ecological Research]. Ed. by V. N. Lazhentsev. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN, 2008, pp. 5–17. (In Russian)
- Grebenshchikova G. A. Nekotorye konstruktivnye osobennosti 66-pushechnykh korablei Baltiiskogo flota [Some Design Features of the 66-Gun Ships of the Baltic Fleet]. *Sudostroenie*, 2016, no. 4, pp. 69–72. (In Russian)
- Krotov P. A. Solombal’skaia verf’ v nachale XVIII stoletii [Solombal’skaya Shipyard’ at the Beginning of the 18th Century]. *Arkhangel’sk v XVIII veke* [Arkhangel’sk in 18th Century]. St. Petersburg: Russko-Balt. inform. tsentr BLITs, 1997, pp. 63–98. (In Russian)
- Krotov P. A. Tsarskaia doroga 1702 g.: istoricheskii opyt vzaimodeistviia tsentra i regionov [The Royal Road of 1702: the Historical Experience of Interaction Between the Center and Regions]. *Tsentr i regiony v istorii Rossii* [Center and Regions in the History of Russia]. St. Petersburg: Skifiia-print, 2010, pp. 222–251. (In Russian)
- Kutishchev A. V. *Armia Petra Velikogo: evropeiskii analog ili otechestvennaia samobytnost’* [Army of Peter the Great: European Analogue or National Identity]. Moscow: Kompaniia Sputnik, 2006. (In Russian)
- Lotman Yu. M., Uspenskii B. A. Otvzuki kontseptsii “Moskva — tretii Rim” v ideologii Petra Pervogo [Echoes of the Concept “Moscow is the Third Rome” in the Ideology of Peter the Great]. *Khudozhestvennyi iazyk srednevekov’ia* [Artistic language of the Middle Ages]. Moscow: Nauka, 1982, pp. 236–249. (In Russian)
- Neumann I. *Uses of the Other. “The East” in European Identity Formation*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1999.
- Platonov S. F. *Leksii po russkoi istorii* [Lectures on Russian History]. St. Petersburg: Kristall, 1997. (In Russian)
- Roberts M. *From Oxenstierna to Charles XII. Four Studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Sirenov A. V. Relikvarii Aleksandra Nevskogo v istorii russkoi kul’tury [Reliquaries of Alexander Nevsky in the History of Russian Culture]. *Relikvarii Aleksandra Nevskogo. Issledovaniia i materialy* [Reliquaries of Alexander Nevsky. Research and Materials]. Moscow: ROSSPEN, 2021, pp. 5–23. (In Russian)
- Spivak D. L. *Severnaia stolitsa. Metafizika Peterburga* [Northern Capital. Metaphysics of Petersburg]. Moscow: Eko-Vektor, 1998. (In Russian)
- Tsvetkov S. E. *Karl XII. Poslednii viking. 1682–1718* [Karl XII. The Last Viking. 1682–1718]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005. (In Russian)
- Vasil’ev Yu. S., Poltorak S. N. Sozdanie Sankt-Peterburga — strategicheskii zamysel Petra I [The Creation of St. Petersburg — the Strategic Plan of Peter I]. *Istoriia Peterburga*, 2018, no. 73, pp. 3–5. (In Russian)

Submitted: 10.02.2022

Accepted: 10.03.2022

Published: 10.04.2022

Рис. 2. Жан-Марк Наттье. Портрет Петра I. 1717 г.

Fig. 2. Jean-Marc Nattier. Portrait of Peter. 1717.

Available at [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%91%D1%82%D1%80_I#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Jean-Marc_Nattier,_Pierre_Ier_\(1717\)_-002.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%91%D1%82%D1%80_I#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Jean-Marc_Nattier,_Pierre_Ier_(1717)_-002.jpg) (accessed 31.03.2022)

Рис. 3. Михаэль Даль. Портрет Карла XII. 1714 г.

Fig. 3. Mikael Dahl. Portrait of Charles XII. 1714. Available at https://sv.wikipedia.org/wiki/Mikael_Dahl#/media/Fil:Portrait_of_Charles_XII_of_Sweden.jpg (accessed 31.03.2022).